

И. Р. ЭЙГЕС

ПО ПОВОДУ ЗНАЧЕНИЯ ОДНОГО СЛОВА В СТИХОТВОРЕНИИ
ПУШКИНА „НОЧНОЙ ЗЕФИР...“

Как ни свежо звучит для нас язык Пушкина, все же в течение столетия не могло не измениться значение ряда слов. Так, уже отмечалось, что слова *Лондон щепетильный* в „Евгении Онегине“ (глава I, строфа XXIII) имеет неожиданный для позднейшего словоупотребления смысл, именно: Лондон, торгующий галантерейным товаром.

Укажем пример того, как для некоторых читателей может оставаться не совсем ясным, употреблено ли у Пушкина слово в основном или в переносном значении. В повести „Арап Петра Великого“ (глава III) танцы на ассамблее сначала идут „при звуке самой *плачевной* музыки“. Здесь слово *плачевный* взято в основном значении. Пушкин имеет в виду не плохую, убогую музыку, а музыку жалобную, печальную по своему характеру. Такая музыка на ассамблее сменялась (иногда даже внезапно) веселой, и танец, введенный самим Петром I, иной раз переходил просто в беготню, ловлю друг друга и проч. Во времена Пушкина слово *плачевный* понималось прежде всего в смысле „жалобный“ или „внушающий жалость“. В описании петербургского наводнения в книжке В. Берха, которой Пушкин, по его собственному признанию, пользовался для „Медного всадника“, мы читаем, что вода спала, „оставив *плачевные* следы“ своего буйства. Жуковский в статье (1809) об исполнении гастролировавшей в России французской трагической актрисой Жорж роли Дидоны упрекает ее за взятый ею несоответственный тон в произнесении одного монолога: „...стихи... произнесены были несколько *плачевным* голосом... Слова... также были сказаны голосом *жалобным*...“

Вот строки из стихотворения Пушкина „Ночной зефир...“ (1824):

Скинь *мантилью*, ангел милый,
И явись, как яркий день!

Как представить себе этот жест? Что значит здесь слово *мантилья*? Род накидки? Но почему же надо ее снять, чтобы явиться, как яркий день? Это сравнение обычно употребляется в применении к лицу. Значит, *мантилья* скрывает лицо?

Мантилья — головной убор испанок: черное (реже белое) покрывало на голове, кружевное, шелковое, закрывающее лицо. Мантилью можно видеть на картинах испанских художников Гойи, Золоаги.

„Скинь *мантилью*“ у Пушкина означает: отбрось покрывало с лица — открой, покажи лицо. В том же значении следует понимать это слово и в стихе „Из-под *мантильи* знак условный подавать“ из стихотворения Пушкина „К вельможе“ (1830), т. е. подавать знак глазами из-под кружевного покрывала на лице, а вовсе не рукой из-под накидки.

Комментаторам не следует проходить мимо отмеченных стихов Пушкина, иначе эти стихи могут быть поняты превратно. А то обстоятельство, что в комментированных изданиях Пушкина сплошь и рядом поясняются общеизвестные слова и не комментируется слово *мантилья*, дает основание предполагать, что истинное значение этого слова в стихах Пушкина не известно даже многим из литераторов.

В „Путеводителе по Пушкину“ (Полное собр. соч. в шести томах, прил. к „Красной ниве“, т. VI, 1931) слово *мантилья* в интересующем нас здесь значении пояснено слишком кратко и потому не точно: „Женское покрывало в Испании“. В книжке „Избранные стихотворения и поэмы Пушкина“ (ГИХЛ, 1933; изд. 2-е, 1934), с примечанием Б. Черняка, то же слово в стихотворении „Ночной зефир...“ пояснено уже совершенно неверно, как „испанское обозначение широкого платка с бахромой“; к тому же слову в стихотворении „К вельможе“ не дано ни примечания, ни отсылки к вышеуказанному примечанию. Д. Благой в вышедшей под его редакцией и с его примечаниями книжке „Избранная лирика“ Пушкина (ГИХЛ, 1935 и 1937) дает к слову *мантилья* то же неполное пояснение, какое было дано в „Путеводителе по Пушкину“; на то же слово в стихотворении „К вельможе“ не обращено внимания. В „Толковом словаре русского языка“, под редакцией Д. Ушакова (т. II, 1938, стр. 142) дано неотчетливо: „1. У испанок — кружевное покрывало, закрывающее голову, верхнюю часть туловища. 2. Короткая женская накидка без рукавов“. Запятая после слова *голову* здесь воспринимается как замена слова *или*. Тогда *мантилья* у испанок оказывается одновременно головным покрывалом и накидкой.

В „Словаре иностранных слов“ (1949) есть слово *мантилья*, и тоже в двух значениях: „1) кружевная, белая или черная, женская накидка, покрывающая голову и верхнюю часть туловища (носят испанки); 2) короткая женская накидка без рукавов“. Но не бывает кружевной накидки, и голову накидкой не покрывают.

В однотомнике Пушкина под редакцией и с примечаниями Б. Томашевского (ГИХЛ, 1935, изд. 2-е, исправл. и дополн., 1938) слово *мантилья* не вошло в приложенный „Словарь“, хотя оно принадлежит к „словам в необычном их значении“, отобранным для этого словаря¹.

¹ Но даже в обычном значении *накидки* слово *мантилья* включено в число „трудных для понимания“ нашим современным читателям слов, которые разъяснены

Каким же путем было усвоено Пушкиным значение слова *мантилья*, как головного убора испанок? Пушкин должен был пользоваться какими-нибудь описаниями испанской жизни. Наиболее вероятным источником для Пушкина служила незадолго перед тем вышедшая книжка Ф. Булгарина „Воспоминания об Испании“ (1823). Здесь при описании национальной одежды испанок говорится: „... короткое покрывало, или *мантилья*, не закрывающая плеч и шеи. Покрывало сие с большим искусством отбрасывается на одну сторону, чтобы подарить взглядом любопытного иностранца“ (стр. 16). В книжке слово *мантилья* выделено курсивом и его значение пояснено, — следовательно, такое значение слова тогда не было у нас достаточно известно. Отрывки из этой книжки Пушкин мог знать и раньше, так как они печатались еще в журналах 1821 г. „Благонамеренный“ и „Соревнователь просвещения“, а также в „Сыне отечества“ за 1823 г. Несколько ранее в той же книжке (стр. 8) сказано о страстной любви испанцев к музыке: „едва наступил вечер... звуки гитары раздаются во всех концах города“. У Пушкина в том же стихотворении „Ночной зефир...“: „Вот взошла луна золотая. Тише... чу... гитары звон...“ Это второе сопоставление подкрепляет вероятность знакомства Пушкина с указанной книжкой, дающей сведения об Испании.

Немного позднее, в 1825 г., высоко ценимый Пушкиным Мериме издал свой „Театр Клары Гасуль“. В прологе к первой же пьесе „Испанцы в Дании“, в самом его начале, встречается слово *мантилья*, и к нему дается примечание автора: „*Мантилья* — черная вуаль, без которой редко показываются испанские дамы“.

Ф. Боденштедт, переводя стихотворение „Ночной зефир...“ на немецкий язык, правильно понял Пушкина, сказав: „Nimm vom Nacken die *Mantilla*“, т. е. „скинь *мантилью* с головы“ (буквально: с затылка, но не с плеч).

Пушкин употреблял слово *мантилья* также и в его обычном значении, — там, где речь шла не об Испании. Например, мы читаем: „... *мантильи* как-то напоминали... душегрейку“ („Арап Петра Великого“, глава III).

В послепушкинское время слово *мантилья* в том смысле, как оно употребляется в Испании, встречается не только в картинах испанской жизни, но и в изображении русского быта, — значит, это слово тогда уже соответствовало также и явлению повседневной русской жизни.

Случай, когда женщина одновременно имеет на себе две мантильи — накидку и покрывало на голове, — изображен в романе Гончарова „Обрыв“. Вера надела на себя две мантильи — на плечи и на голову: „... взяла она *мантилью* на белом пуху, еще другую, черную, шелковую, накинула первую на себя, а на нее шелковую, отбросив пуховую косынку прочь“, которую она перед тем „торопливо надевала одной рукой на

в приложении к роману Л. Толстого „Война и мир“ (Собр. соч., т. VII, ГИХЛ, 1951).

голову“... (*мантилья*— замена косынки, которой покрывают голову, а Вере нужно было также скрыть лицо). „Она откинула черную *мантилью* с головы на плечи...“ (часть 4-я, глава XI). „Она встала и накинула черную *мантилью* на голову“. „Она хотела опять накинуть шелковую *мантилью* на голову...“. „Она искала... свою *мантилью*... Она наконец отыскала белую *мантилью* и никак не могла накинуть ее на другое плечо“ (часть 4-я, глава XII). В самом конце той же части романа читаем о Вере: „Она шла, наклонив голову, совсем закрытую черной *мантильей*. Видны были только две бледные руки, державшие *мантилью* на груди“, — т. е. не черную, кружевную, а накидку. „Она машинально сбросила с себя обе *мантильи*“... (часть 4-я, глава XIV).

Позднее, в повести „Смерть Ивана Ильича“ Л. Н. Толстого у жены покойного отмечается „черное кружево черной *мантильи*“ (глава I). Это, конечно, не накидка. На самом деле, несколько ранее в повести сказано, что жена Ивана Ильича была „вся в черном, с покрытой кружевом головой“.

Гончаров, называя *мантилью* черной и шелковой, разумеет при этом именно кружевное покрывало на голову (таково, очевидно, было обычное употребление этого слова). Толстой считает нужным подчеркнуть, что это кружевное покрывало. Но оба писателя говорят об одном и том же.

Вере из „Обрыва“ нужно скрывать всю себя — пройти незамеченной на роковое свидание с Марком Волоховым. Она закутывается в *мантилью-накидку* и прячет свое лицо в *мантилью-вуаль*, — не облачаться же ей в две накидки, поверх теплой еще в легкую, что было бы совершенно излишне, и вместе с тем оставлять лицо открытым, тогда как его-то и надо ей скрыть. Двух накидок вообще не надевают на себя. Конечно, невозможно и представить себе Веру с „совсем закрытой“ накидкой головой, как сказано у Гончарова. Вырываясь от не отпускающего ее Райского, Вера в возбуждении и гневѣ восклицает, что ничто не в силах удержать ее от свидания. В такую минуту, естественно, она открывает свое лицо, отбросив покрывало с головы на плечи, — как и сказано в романе. Гончаров говорит о двух различных *мантильях*, зная, что современники вполне поймут его.

Итак, слово *мантилья* имеет два значения — первое, достаточно известное, и второе, мало известное.

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

И Н С Т И Т У Т
Я З Ы К О З Н А Н И Я

Д О К Л А Д Ы
И   С О О Б Щ Е Н И Я

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва—1954